УДК 1:616.8-009.7

К ВОПРОСУ О БОЛИ КАК ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ, ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

© Григорий Геннадьевич Хубулава

ФГБУ «НИДОИ им Г.И. Турнера» Минздрава России. 196603 Санкт-Петербург, Пушкин, Парковая улица, 64–68.

Контактная информация: Григорий Геннадьевич Хубулава — научный сотрудник. E-mail: g.hubulawa@yandex.ru

РЕЗЮМЕ: Боль постоянный спутник жизни, неразрывно связанный с феноменом бытия. Даже на современном этапе развития нейрофизиологии и философской антропологии боль остается мало изученным явлением. Особенно это касается представлений о её происхождении и экзитенциальном аспекте. Оставаясь постоянной составляющей взаимоотношений врача и пациента, феномен боли, и проблема обезболивания провоцирует медицинские, этические и философские споры. Выделяют два основных типа боли: ноцицептивную и нейропатическую. Их различия обусловлены источниками. Ноцицептивная боль является следствием активации рецепторов периферической нервной системы, болевыми стимулами вследствие повреждения ткани. Нейропатическая боль является следствием повреждения или дисфункции центральной нервной системы и периферических нервов. Душевная боль видится состоянием тотальной охваченности событием, переживая которое я принадлежу ему настолько, что буквально теряю в нём своё я, и становлюсь «сам не свой» от волнения, страха или горя. Горе, волнение, страх заменяют собой меня. Но возможность пережить эту боль и означает возможность преодолеть, переступить. Таким образом, переживание боли — есть её преодоление, сражение с ней. Однако полем сражения становится в том числе и тело, если учесть множество заболеваний, провоцируемых потерей себя, утратой своего Я, вызванной душевной болью. Нами предпринято рассмотрение концепта боли не только с точки зрения нейрофизиологии и феномена взаимоотношений врача и пациента, но и как экзистенциального и эмпатического акта. Боль тесно связывает феномены бытия, сострадания, со-общения. Являясь одним из свойств нашего существования, вовлекая нас в бытие и не позволяя нам отвлечься и рассеяться, боль причиняет страдание нам и нашим близким, вынужденным переживать ее с нами. Облегчение страданий и боли — один из аспектов врачебного долга, однако, часто ради нашего исцеления, в процессе лечения, врач вынужденно причиняет нам сильную боль. Полная обезболенность как наша неспособность ощутить боль может привести к утрате сочувствия и, в конце концов, человечности как таковой. Боль другого как сообщение нам удается лишь пережить с помощью эмпатии, представив и вообразив страдание. Такую возможность нам, в частности, может подарить произведение искусства, собственный опыт восприятия которого мы переносим во взаимоотношения с людьми.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: боль; физиология; рецепторы; существование; другой; эмпатия; сострадание; распятие; Абсолют.

TO THE QUESTION OF PAIN AS A PHYSIOLOGICAL, ONTOLOGICAL AND EXISTENTIAL CATEGORY. PHENOMENOLOGICAL APPROACH

© *Gregory G. Khubulava*

The Turner Scientific Research Institute of Children's orthopedics. Parkovaya ulitsa, 64–68. Pushkin, Saint-Petersburg, Russia, 196603

Contact Information: Gregory G. Khubulava — researcher. E-mail: g.hubulawa@yandex.ru

ABSTRACT: Pain is a constant companion of life, inseparably connected with the phenomenon of being. Even at the present stage of development of neurophysiology and philosophical anthropology, pain remains an insufficiently studied phenomenon. It especially concerns a true notion about its origin and the existential aspect. Remaining a constant component of the relationship between doctor and patient, the phenomenon of pain, and the problem of anesthesia provokes medical, ethical and philosophical disputes. There are two main types of pain: nociceptive and neuropathic. Their differences are caused by sources. Nociceptive pain is a consequence of activation of receptors of the peripheral nervous system, painful stimulus due to tissue damage. Neuropathic pain is a consequence of impairment or dysfunction of the central nervous system and peripheral nerves. Mental pain is seen as a state of total encompassment by an event, experiencing which «I belong to him so much that I literally lose my self in him, and become «not myself» because of excitement, fear or grief. Grief, excitement, fear replaces myself». But the opportunity to survive from this pain means an opportunity to overcome, to cross. Thus, the experience of pain — is its overcoming, the battle against it. However, the battlefield also includes the body, if we take into account many diseases provoked by the loss of oneself caused by mental pain. We have undertaken a consideration of the concept of pain, not only from the point of view of neurophysiology and the phenomenon of the relationship between doctor and patient, but also as an existential and empathic act. Pain closely connects the phenomena of being, compassion, co-communication. Being one of the properties of our existence, involving us in being and not allowing us to distract and dissipate, the pain causes suffering to us and our loved ones, who are compelled to experience it with us. Relieving suffering and pain is one aspect of medical duty, however, often for the sake of our healing, in the process of treatment, the doctor is compellingly hurting us. Total anesthesia, like our inability to feel pain, can lead to a loss of empathy and eventually of humanity as such. We can only overcome the pain of another one sent as a message, with the help of empathy and imagining suffering. Such an opportunity in particular can be given to us by a work of art, when we transfer our own experience of perception into relationships with other people.

KEY WORDS: pain; physiology; receptors; existence; other; empathy; co-suffering; crucifixion; Absolute.

Боль — постоянный спутник жизни: от начала существования в утробе до предсмертной агонии.

Ребенок начинает чувствовать боль на двенадцатой неделе внутриутробной жизни.

Слово боль является общеславянским, имеет родственные слова в индоевропейских языках: древневосточнонемецкое balo — беда, болезнь; древнеиндийское bhal — мучить, умерщвлять; готское balwjan — мучить, терзать.

Греческое αλγος имеет значение боль, страдание (как физическое, так и нравственное). Αλγος — горе, печаль, беда, несчастье. Но есть у боли и другое определение: πονος — боль как труд (тяжелый, изнурительный), горе, несчастье, бедствие, тягота. Боль как pain (англ.), peine (фр.), piena (исп.), отсылает нас к латинскому корню penatis — «пени», боль как (рас) плата за бытие [1].

Русский язык часто придает корню «боль» значение превосходной степени: больно, — то,

что слишком, то, что более, больше: «уж больно ты грозен».

По определению физиологов боль — неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с реальным или предполагаемым повреждением тканей, и одновременно реакция организма, мобилизующая различные функциональные системы для его защиты от воздействия патогенного фактора.

Выделяют два основных типа боли: ноцицептивную и нейропатическую. Их различия обусловлено источниками. Ноцицептивная боль является следствием активации рецепторов периферической нервной системы, болевыми стимулами вследствие повреждения ткани. Нейропатическая боль является следствием повреждения или дисфункции центральной нервной системы и периферических нервов.

Острая боль

Острая боль определяется как краткая по времени проявления боль с легко идентифицируемой причиной. Острая боль — это предупреждение организму о существующей в данный момент опасности органического повреждения или заболевания. Часто стойкая и острая боль сопровождается также ноющей болью. Острая боль обычно концентрируется в определённом участке перед тем, как она каким-то образом распространится шире. Этот тип боли обычно хорошо поддаётся излечению.

Хроническая боль

Хроническая боль упорно сохраняется дольше того соответствующего отрезка времени, в течение которого она обычно должна завершаться. Часто она более трудная для излечения, чем острая боль. Особое внимание требуется при обращении к любым болям, которые стали хроническими. В исключительных случаях нейрохирурги могут провести сложную операцию по удалению отдельных частей головного мозга пациента, чтобы справиться с хроническими болями. Подобное вмешательство может избавить пациента от субъективного ощущения боли, но так как сигналы от болевого очага всё равно будут передаваться по нейронам, тело продолжит реагировать на них.

Кожная боль

Кожная боль возникает при повреждении кожи или подкожных тканей. Кожные ноцицепторы (болевые рецепторы) оканчиваются чуть ниже кожи, и благодаря высокой концентрации нервных окончаний предоставляют высокоточное, локализованное ощущение боли малой продолжительности.

Соматическая боль

Соматическая боль возникает в связках, сухожилиях, суставах, костях, кровяных сосудах и даже в самих нервах. Она определяется соматическими ноцицепторами (болевыми рецепторами). По причине нехватки болевых рецепторов в этих участках они производят тупую, плохо локализуемую, более продолжительную боль, чем у кожных болей. Сюда входят, например, растяжения суставов и сломанные кости.

Внутренняя боль

Внутренняя боль возникает от внутренних органов тела. Внутренние ноцицепторы (болевые рецепторы) расположены в органах и во внутренних полостях. Ещё большая нехватка болевых рецепторов в этих участках тела приводит к появлению более нудящей и продолжительной, по сравнению с соматической, боли. Внутреннюю боль особенно тяжело локализовать, и некоторые внутренние органические повреждения представляют собой «приписываемые» боли, когда ощущение боли приписывается участку тела, который никак не связан с участком самого повреждения. Сердечная ишемия (недостаточное содержание крови в сердечной мышце) — это, возможно, самый известный пример приписываемой боли; ощущение может располагаться как отдельное чувство боли чуть выше грудной клетки, в левом плече, руке или даже в ладони. Приписываемая боль может объясняться открытием того, что болевые рецепторы во внутренних органах также возбуждают и спинномозговые нейроны, которые возбуждаются при кожных повреждениях. После того, как мозг начинает ассоциировать возбуждение этих спинномозговых нейронов со стимуляцией соматических тканей в коже или мускулатуре, болевые сигналы, идущие от внутренних органов, начинают интерпретироваться мозгом как происходящие от кожи.

Фантомная боль

Фантомная боль в конечностях — ощущение боли, возникающее в утраченной конечности или в конечности, которая не чувствуется с помощью обычных ощущений. Данное явление практически всегда связано со случаями ампутаций и паралича. Кроме фантомных болей, регистрируют фантомные конечности — не связанное с болью ощущение человеком утраченной конечности.

Нейропатическая боль

Нейропатическая боль («невралгия») может появиться как результат повреждения или заболевания самих нервных тканей (например, зубная боль). Это может нарушить возмож-

ность чувствительных нервов передавать правильную информацию таламусу (отделу промежуточного мозга), и отсюда мозг неправильно интерпретирует болевые стимулы, даже если отсутствуют очевидные физиологические причины боли.

Психогенная боль

Психогенную боль диагностируют в отсутствие органического заболевания или в том случае, когда последнее не может объяснить характер и выраженность болевого синдрома. Психогенная боль всегда имеет хронический характер и возникает на фоне психических расстройств: депрессии, тревоги, ипохондрии, истерии, фобии. У значительной части больных важную роль играют психосоциальные факторы (неудовлетворенность работой, стремление получить моральную или материальную выгоду). Особенно тесные связи существуют между хронической болью и депрессией.

Патологическая боль

Патологическая боль — измененное восприятие болевых импульсов в результате нарушений в корковых и подкорковых отделах центральной нервной системы.

Боль, являясь рефлекторным процессом, включает и все основные звенья рефлекторной дуги: болевые рецепторы (ноцицепторы), болевые проводники, образования спинного и головного мозга, а также медиаторы, осуществляющие передачу болевых импульсов.

Нарушения восприятия могут возникать на любом уровне ноцицептивной системы, а также при нарушении связи между ноцицептивными восходящими структурами и антиноцицептивной системой.

Осознание реальности собственного бытия в его телесной ограниченности, связанной с постоянной необходимостью выбора, часто несущего мучительные для нас последствия, сопряженные с необратимостью возникающих событий, с которыми мы остаемся один на один в невозможности пережить их снова и поступить иначе, вызывает боль существования, экзистенциальную боль.

Душевная боль видится состоянием тотальной охваченности событием, переживая которое я принадлежу ему настолько, что буквально теряю в нём своё я, и становлюсь «сам не свой» от волнения, страха или горя. Горе, волнение, страх заменяют собой меня. Но возможность пережить эту боль и означает возможность преодолеть, переступить. Таким образом, переживание боли — есть её преодоление, сражение с ней. Однако полем сражения становится, в том числе и тело, если учесть множество заболеваний, провоцируемых потерей себя, утратой своего Я, вызванной душевной болью.

Поскольку мы рассматриваем боль в качестве одного из важнейших признаков человеческого существования, то должны рассмотреть её на трех уровнях существования, присущих человеку. Как биологическое существо — часть животного мира человек испытывает боль на уроне рефлексов центральной нервной системы. Как «социальное животное» он испытывает боль отвержения. И, наконец, на смысловом уровне существования человеку присуще переживать экзистенциальную боль.

Но далеко не все так просто и схематично. Только человеку свойственно даже на биофизическом, природном уровне ощущать боль как часть опыта самосознания. Для человека как личности дело далеко не в том, что ему больно, а скорее в том, что больно ему. Так происходит, поскольку в переживании боли нередко пробуждается наше Я. Более того, лишь человек, даже как часть животного мира, способен переживать опыт воображаемой боли так полно, что подобное переживание вызывает у него психосоматическую реакцию.

Боль отвержения, свойственная человеку как социальному животному, присуща далеко не только изгоям и изгнанникам. Нельзя не упомянуть о болезненном переживании одиночества и отверженности людьми, облеченными властью или находящимися на пике славы. Невозможность быть самими собой или необходимость руководствоваться свойственными власти «сверхчеловеческими», как сказал бы Ницше категориями пользы, добра и зла являются для этих «избранников судьбы» постоянным источником боли. Такова цена славы и пребывания человека на вершине власти, где «дует ледяной ветер государственных интересов» (Шарль де Голь).

А если мы вспомним о боли, переживаемой библейским царем Соломоном, когда он, обласканный всеобщей любовью, оставлен покровительством Бога (см. книгу премудростей соломоновых и книгу пророка Экклезиаста), то нам станет ясно, что боль отвержения, свойственная социальному бытию, имеет не только социальную, но и экзистенциальную окраску.

Наконец, боль существования как такового, боль, связанная с поиском смысла существования, неудовлетворенность собой, пробуждающая в нас «темный беспричинный стыд» (Поль Верлен), равно отзывается в нас как болью отвержения, так и физической болью. К тому же, наши взаимоотношения с болью носят дву-

сторонний характер. Не только мы испытываем боль, но и она, ломая и преображая, испытывает нас на человечность. Это делает невозможным проведения четкой границы между различным по своей природе переживанием физической и душевной боли.

Понятие боли тесно связано с познанием как переживанием. Вильгельм Дильтей писал: «Познание есть, прежде всего, переживание (Erlebnis). Поэтому жизнь — это мир переживаний, а точнее (поскольку каждый субъект обладает жизнью), жизнь — это коллективное переживание бытия. Переживание позволяет проникнуть в саму вещь. Проникновение в основание бытия означает его переживание. Не мышление, не разложение на некоторые составные части (аксиомы, теоремы и т. п., то, что является результатом рассудочной деятельности), а именно переживание бытия» [2]. Мне хотелось бы немного поговорить о познании и переживании боли как пациентом, так и его врачом. Но прежде обратимся к самому переживанию.

Первое, что приходит на ум — переживание — тревога (Unruhe, дословно: не тишина, не покой). Такое незрячее переживание — просто «шум бытия», однако, мы имеем дело с состоянием, когда наше Я мечется, ищет со-беседника, тем самым сдвигая бытие с «мертвой точки» покоя. Роль объекта тут исполняет пресловутый «внутренний голос». Он говорит: что тревожит меня? Я не понимаю, это странно, не будь я N. Вот это «не будь я…» и составляет главную ипостась (подоплеку) подобного переживания: страх не быть, оказаться сдвинутым тем мощным эмоциональным потоком, волнующим тебя.

Полнота переживания-волнения, когда мы больше «не находим себе места», то есть не понимаем кто мы и где мы, выливается в некое экстатическое потрясающее нас и мир состояние. Мы обречены снова начать с познания себя, когда «земля ушла из-под ног», и это познание предполагает самопознание, сходное с пубертатными переживаниями человека, взволнованного переменой в себе.

Так, осознав, что мы больны или испытав внезапный, необъяснимый приступ боли, мы впадаем в состояние переживания как волнения, тревоги внешне немотивированной перемены в себе и вовне, поскольку, внезапная боль, как ничто другое, способна изменить наше (само) восприятие.

Переживание боли как волнение присутствует и в случае с хронической болью. Человек ощущает приближение приступа боли как дезориентацию, находящую выражение, в том числе и в невозможности самоосознания. Страдающий хроническими болями временно «теряет себя». Именно в этих терминах описывают состояние, предшествующее приступу, многие пациенты.

Переживание-волнение охватывает нас и в кабинете врача. Иногда для того, чтобы испытать тревогу, пациенту достаточно увидеть белый медицинский халат. Но похожие переживания знакомы и врачу, поскольку, даже выполняя рутинные процедуры, он находится под грузом ответственности за состояние пациента.

Мы очень часто слышим: «Мне больно за тебя». Врач переживает боль пациента как их общее событие, то есть общее бытие, со-бытие с пациентом. Нередко, боль, вынужденно причиняемая врачом, становится ценой исцеления. Сострадание не может быть отвлеченным, но при этом оно не должно препятствовать исполнению врачебного долга.

Ломая неправильно сросшиеся кости, врач сознательно причиняет пациенту боль. Врач не может позволить себе переживать причиняемое им страдание как экзистенциальное событие. В данном случае действия человека в белом халате являются поступком прагматического и утилитарного характера. В случае, когда боль является симптомом или следствием самого заболевания, страдания пациента являются не просто объектом для изучения. Облегчение боли, зачастую, становится одной из врачебных задач, для выполнения которой врач обязан познать скорее причину боли, чем ее природу. Зачастую, врач должен абстрагироваться от боли, причиняемой им пациенту, сосредоточившись на конкретной цели. Тем не менее, если переживание врачом страданий пациента полностью лишено характера со-бытия и со-страдания, врач добивается успеха с огромным трудом. Сострадание и событие здесь проявляется не в сентиментальной эмоциональности, а в искреннем желании помочь, сделав чуть больше, чем все необходимое для исцеления больного.

Переживание боли ребенком совершенно отлично от болезненных переживаний взрослого пациента. Дело далеко не только в различии у них болевого порога.

Ребенок испытывает психологические страдания от разлуки с родными в процессе лечения. Само ожидание боли от процедур, которые молча претерпевает взрослый, вызывает у маленьких пациентов сильную психосоматическую реакцию. Врач должен сделать все от него

зависящее, чтобы оградить ребенка от страданий. В случае, когда это невозможно, врач, как правило, предлагает ребенку некую награду за терпение. При этом, по мнению детских психологов, часто ребенок, по своей природе, ещё не будучи знаком с экзистенциальной болью, иногда переносит физическую боль, мужественнее взрослых, бессознательно воспринимая свою способность терпеть как признак «взрослости» и сопричастности миру «настоящих, больших и сильных».

Переживание боли как события и естественно со-бытия с источником боли, имеет множество аспектов.

Как ни странно, боль, не просто сигнал нервной системы, не просто симптом, семиотический акт (семиотика, — изначально, наука о симптоме как символе, признаке болезни). Боль — явление, акцентуирующее бытие, делающее бытие максимально сжатым до переживания страданий «здесь и сейчас». Боль выступает как эквивалент здесь-бытия. Она напоминает нам об «абсолютной охваченности сиюминутным сущим. О сиюминутном, как признаке сущего, [ощущении того], что бытие может состояться только сей час, а не в нашем воспоминании или надеждах на завтра» [3]. «Такое сильное и глубокое переживание как боль являет собой экзистенциальное событие, ценно как таковое, как опыт. И в этом смысле неудивительно, что боль может восприниматься как благо, соединяясь со своей (кажущейся) противоположностью, с благодатью. Боль многоразмерна, в этом сходятся все специалисты, она может ассоциироваться и с ужасом, и с радостью, и со страхом, и с отчаянием. Существенным является ее непосредственный (даже если бессознательно коннотируемый) телесный компонент. А сопровождающая ее оценка, ее воздействие и восприятие, способ ее трансформации и компенсации могут быть разными» [9].

Хайдеггер в письме Эрнсту Юнгеру трактует боль как αλεγω — бесконечное экстатическое усилие. Он пишет: «работа и боль раскрывают свое внутреннее метафизическое родство. Если бы кто-то рискнул продумать связь между «работой» как основной чертой сущего и «болью» через гегелевскую «Логику», то в первую очередь всплыло бы греческое слово «Боль», а именно αλγος. Вероятно αλγος родственно с αλεγω, которое как intensivum к λεγω означает плотное/тесное собирание. Тогда боль была бы нечто, собирающее в самое плотное». Иными словами, боль представляет собой не просто страдание, но усилие, работу, непосильную телу, но происходящую в особом состоянии, «в духе», как сказал бы теолог.

Иосиф Бродский, наряду с большинством экзистенциалистов, обращается к сущностной коннотации понятия «боль». Возвращая ей утраченную в секулярных условиях религиозную составляющую (боль, как способ бытия в Боге, бытия с Богом).

Там, на кресте,
не возоплю: «Почто меня оставил?!»
Не превращу себя в благую весть!
Поскольку боль — не нарушенье правил:
страданье есть
способность тел,
и человек есть испытатель боли.
Но то ли свой ему неведом, то ли
ее предел. («Разговор с небожителем», 1970).

Понимание боли, как существа распятого Христа, как вопля, страдающего Иова или Иеремии, как смыслового единства любого мученичества, — от Орфея и Эдипа, ослепленного правдой или разорванного на части обезумевшими вакханками, — до страстей первых христиан, превращается здесь в общее, неотделимое от понятия жизнь, особое свойство, универсальную и абсолютную «способность тел», способность, к тому же, беспредельную.

Страдание определяется поэтом, как поступок, движение навстречу самому себе и Абсолюту. Абсолют понимается не как оправдание боли и страдания, не как конечная цель болиусилия, укорененного в природе бытия («Мир дается нам не для комфорта, но для максимального усилия» В. Бибихин), не как способ, но как переживание, состояние абсолютной нераздельности нашего Я с каждым страдающим живым существом. Здесь боль теряет статус личного переживания, перестает быть «личным делом», превращаясь в признак бытия вообще и единства этого бытия с Богом, Абсолютом. Мы способны чувствовать боль, и способность к этому переживанию делает нас «человеческими и Божьими» (Фома Аквинский). Боль в значении труда, усилия вознаграждает нас качествами Богочеловека. В христианском смысле боль есть способ сопричастия Христу, нашей сопричастности Вселенной, которая в конечном счете и есть «тело страдающего и побеждающего Христа» (Пьер де Шарден).

Не в последнюю очередь по этой причине Ницше говорит о боли, как о родоохранительной силе: «В боли столько же мудрости, сколько и в удовольствии: подобно последнему, она принадлежит к родоохранительным силам пер-

вого ранга» [5]. «Родохранительное» свойство боли понимается Ницше не просто как физиологический сигнал. Боль как сигнал инстинкта самосохранения («в боли мне чудится команда капитана корабля: — Убрать паруса!») Ницше прочитывает шире: способность к боли для него есть не просто способ сохранения жизни, а способ нашего самосохранения как человеческого существа.

Страдающий от боли, если он не замыкается в ней, оказывается оторванным не просто от привычного существования, но и от множества мелочей, прежде казавшихся страдальцу значительными.

В боли и через боль, помимо нашего желания «происходит полное вовлечение в существование. Если нравственные муки можно претерпевать с достоинством и в сердечном сокрушении, а стало быть, уже освободиться, то физическое страдание, каковым бы оно ни было, есть невозможность отделиться от данного мига существования. Оно [существование в боли] — сама неумолимость бытия... в физическом страдании отсутствие всякого прибежища, прямая подверженность бытию» (Э. Левинас).

Иногда переживание боли — это акт просветления, позволяющий остановиться и переоценить происходящее.

О скорости мира, охватившей нас, и о его нереальности свидетельствует и Дитмар Кампер. В абстрактных условиях абстрактного всевозможного (и оттого невозможного) существования, философ видит лишь один «способ нажать на стоп-кран и сохранить тело, а вернее себя — испытать сильную боль». При этом «шрамы как следы боли, составляют графический реалистический аналог нашей памяти, свидетельства которой не приходится игнорировать».

От боли мы замираем и сжимаемся в комок, прибывая в себе, наедине с собой, честно, полно, «смиренно и неподвижно как того и требует от нас страх Божий» (Кьеркегор).

Эрнст Юнгер в работе «О боли» неоднократно упоминает о существенном различии между человеческим стремлением избежать боли, быть обезболенным, и победить боль [13]. Первое, по его мнению, просто невозможно, поскольку «не существует пространства, в котором мы могли бы обезопасить себя, скрывшись от боли». Второе, — победа над болью, — видится ему в (сверх) человеческой способности и праве «встать над болью, пребывая в ней», преодолеть, прожить и пережить боль как состояние, именно со-стояние, в котором природа подвига боли. Со-стоять как суметь устоять перед страданием, стоять во вне, рядом, снаружи, будучи погруженным в страдание. (Со) стояние боли, с болью и «над ней» — это способность переживать страдание не делая его частью своего Я. Способность не упиваться мукой, а сознавая и проживая ее, оставаться «страстным, то есть страдающим наблюдателем, (со) участником высшей воли через усилие воли собственной» [4]. Такое состояние боли, ее переживание без самолюбования и стенаний о своей горькой участи — и есть (со) страдание, дающее человеку божественные силы, чтобы не просто победить боль, но и разделить «чужую» боль с каждым страдающим и в итоге с распятым Богом. Такой подвиг, позволяющий встать над болью и испытать (со) страдание, не просто обожествляет человека, но и позволяет ему утвердить человечность своей природы. Человеко-и-богоутверждающая сущность боли как сострадания является одной из корневых философских идей Ф. М. Достоевского, не устающего напоминать, что «сострадание есть высочайшая форма человеческого существования…». Оно (сострадание) является по сути своей «со-Распятием» (Вениамин Блаженный) как утверждением Бога в человеке и человека в Боге.

Есть одно важное «но»: боль и страдание никогда не являлись условием или способом единения с Богом. Страдания Христа, апостолов и мучеников, — скорее необходимость. Родовые схватки при рождении иного мира и возрождении воскресении человека таким, каким он замыслен Богом.

Об антропологической природе боли и страдания не стесняются вспоминать и современные европейские писатели. Герой романа Николая Фробениуса «Лакей маркиза Де Сада или каталог Латура» (1996) — самоучка и гений препарирования Ларур, с рождения лишенный чувствительности к боли, идет на самые жестокие эксперименты с одной лишь целью: «отыскать в мозгу или сердце живого существа источник боли» [8].

Юноша одержим желанием хоть раз самому пережить то, чего был лишен с рождения — боль. Латур убежден, что боль как ничто другое позволит ему «познать человеческое, поставить рядом с ней на весы неведомые тревогу, волнение, счастье, наконец, ожить…» Одним словом — стать человеком, заслужить свое сущее, осуществиться.

С девяностых годов девятнадцатого века и по сей день почти вся естественнонаучная

парадигма направлена не столько на изучение природы боли, сколько на ее устранение.

Одним из лидеров в изучении медицинской природы боли и способов анестезии остается клиника Мейо (Mayo Clinic), созданная ещё в 1863 году. Здесь разрабатываются методы обезболивания и проводятся тренинги, позволяющие «принимать хронический болевой синдром как часть нормальной полноценной жизни». Такая практика, безусловно, полезна и необходима врачам и пациентам, противостоящим изнуряющей боли как последствию многих тяжелых и часто неизлечимых заболеваний. Успех в борьбе с болью, несомненно, ведет к улучшению качества жизни «тяжелых пациентов». Однако стремление отстраниться от любой боли, избежать её любой ценой, не всегда положительно сказывается на человеческой природе. Здесь возможна другая крайность: неспособность к переживанию боли как отрешенность и бесчувственность. «Общество обезболенных, стерильное и анестезированное общество индивидов, утративших масштабы боли, ищет способы выхода к телу, к реальным ощущениям. Потерявший собственную боль, кроме того, не чувствует боли другого, ибо боль, как сообщение, связывает общество» [7]. Отсутствие боли как подобной связи — полное обезболивание, увы, часто приводит к обезволиванию и обездоленности.

Если мы подходим к боли как сообщению, акту коммуникации перед нами встаёт вопрос о том, как можно ощутить чужую боль или передать свою? Этот вопрос, в свою очередь, обращает нас к идее эмпатии.

Эмпа́тия (греч. ἐν — «в» + греч. πάθος — «страсть», «страдание») — осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания [14].

Мы попытаемся рассмотреть явление эмпатии с точки зрения не просто вчувствования и сострадания некоему другому. Имеет смысл рассмотреть возможность феноменологического единства двух независимых Я, разворачивающегося как единство эмоциональное, ментальное и экзистенциальное.

Но прежде задумаемся о способе передачи боли. Казалось бы, проще всего боль вербализируется как крик и стон. Но здесь возникает большая трудность: дело в том, что сильнейшая боль, существующая на грани слома, преображения передается молчанием или беззвучным криком. Простое «мне больно» в сочетании в видом раны, ушиба, перелома, тремора, расширенных зрачков и изменением цвета кожного покрова, могут дать нам понять, что чувствует другой, но не пережить боль другого. Экзистенциальные и душевные страдания при этом способе восприятия вообще остаются вещью в себе.

Это приводит нас к выводу, что, дабы проникнутся переживанием боли другого в эмоциональном, ментальном, экзистенциальном единстве с ним, мы воображаем, представляем эту боль, сопоставляя её с физическим или ментальным опытом. Так, нередко, наблюдая рану или перелом, мы испытываем со-страдание, эмпатию и даже боль, представив переживание другого.

Вот почему эмпатию провоцирует искусство. Наше воображение сильнее слов и криков могут возбудить картина, танец, пантомима, стихотворение, роман, заставляющие ощутить себя другим, переживающим страдание.

Именно невербальным путем переживания и вчувствования через воображение действует на нас и музыка. Мало кого не заставляли плакать «неизвестно почему» баховские «Страсти по Матфею» или Шестая симфония Чайковского.

Помимо собственной воли слушатель переживает акт эмпатии благодаря музыке, сопоставляемой им с личным опытом боли, делающей «постороннюю» боль болью собственной.

Емкую и яркую формулу эмпатии как плода нашего воображения дал А. С. Пушкин в своём признании «над вымыслом слезами обольюсь». И, действительно, сила нашего сопереживания способна настолько оживить чувства вымышленных персонажей, сделав их нашими чувствами, что это вызывает в читателе, зрителе, слушателе мощный эмоциональный отклик.

Имагинативный акт (акт воображения) начинается с авторского внутреннего переживания, зачастую вырастающего из личного или заимствованного опыта. Раскольников, по приданию, возник из беседы Достоевского с польским каторжанином, убившим мать, чтобы заплатить по долгам возлюбленной, присовокупив к этому сюжету макиавеллистскую идею, а «праве имеющих на кровь по совести», мы получим канву романа «Преступление и наказание». Автор столь умело заманивает читателя в ловушку понятных многим волнений Раскольникова, что вскоре мысли несчастного убийцы становятся нашими. Кто из нас не сопереживал униженным, не желал спасти

и осчастливить их всех и сразу? И, наконец, кто ни разу не задумывался о том, способен ли он на убийство без казуистики и не страдал от страха наказания за (пусть даже и незначительный) проступок?

Писатель в акте воображения предлагает нам модель «Я — как Другой» и в случае совпадения этой модели хотя бы с одним нашим переживанием, сознание предлагает эмпатичесткий отклик: «Другой — как я». Автор, если угодно, преподносит нам универсальную метафору наших жизненных ситуаций и поступков. Метафору, в которой читатель обречен угадать собственные или знакомые ему переживания, вызывающие в нем реальное волнение и сопереживание вымыслу, в свою очередь ставшему частью подлинного читательского опыта.

Так, в след за Полем Рикером мы вправе «говорить не только о метафорическом смысле, но и о метафорической референции, чтобы подчеркнуть способность метафорического высказывания пере-описывать реальность, недоступную непосредственному описанию». Рикер даже высказал мысль о том, «что «видеть-как» (Voir-comme), к чему, собственно, и сводится сила метафоры, способно выразить «быть-как» (etre-comme) на самом глубинном онтологическом уровне» [6].

Мы не только «видим как» Другой, но в процессе эмпатии способны «стать как» Другой, что и позволяет нам относиться к вымышленным героям как к живым. Благодаря эмпатии вымысел живет нашими чувствами и мыслями в той же степени, в какой мы погружены в него. Если искусство, искусственное по сути своей, способно стать настоящим, то это происходит в тот момент, когда мы заявляем себе: «Всё прочитанное мною, было написано мной», а вернее не просто написано, а прожито и прочувствованно мной в той же степени, что и личный опыт [12].

Попробуем представить опыт со-причастия и сопереживания событию, открывающемуся нам на полотне живописца. Существует расхожий миф, говорящий нам о том, что Караваджо, дабы реалистично написать смерть, искал утопленников, а Микеланджело, якобы и вовсе убил натурщика. Мимесис и правдоподобие, заставляющее нас эмпатически прожить событие, описываемое художником, не обязательно происходит из реального опыта. Дар живописца, как и писателя, состоит именно в том, чтобы «позволив нам ощутить застывшую в мгновении живую, реальную жизнь», заставить нас сопереживать ей, стать её частью, не показав и десятой доли происходящего [11]. Если в случае с литературным произведением эмпатия действует как рациональный или эмоциональный отклик нашего сознания на повествование, то, находясь перед картиной, зритель вынужден отдавать «повествовательную» функцию на поруки собственному воображению.

Особым предметом моего понимания, как раз таки и будет боль как таковая. Я смещаю эпицентр событий с себя на другого. Делаю главным героем другого, а себя лишь наблюдающим пусть даже и активно, соучаствующим. Чем меньше у меня будет аналогичного опыта, тем сложнее мне будет представить, каково объекту. Я могу чувствовать при таком абсолютном не распознавании, полную растерянность, не зная того, как именно я должна реагировать. Я могу даже пройти мимо чужой боли.

Глядя на картину Рембрандта «Ослепление Самсона», я обращаю внимание на лицо героя. Вижу, как клинок пронзает глаз. Почти кожей чувствую холод оружия, вижу Самсона, обездвиженного и окруженного врагами. Я могу представить дальнейшее действие картины. Я представляю себе не только как лишаюсь глаз, но и то, что меня ослепляют с той же жестокостью. Именно этот личный эмпатический отклик не дает мне отвести взгляда от страшного зрелища. Моя охваченность переживанием делает переживание Рембрандта и Самсона моим собственным. Единство мощи и бессилия при эмоциональном натиске и сосредоточении на событии.

И вдруг я понимаю, что при всем то, что я понимаю, что я не Самсон, я постепенно могу довести степень своей рефлексии, до того момента, когда стану себя либо отождествлять с Самсоном, либо полностью сосредоточу свой фокус на ощущении боли. Уже без фигуры Другого.

Самсона не просто убивают — это именно сцена насилия кровавой и беспощадной расправы, и это мы тоже понимаем. Самсон лежит на полу, в совершенно открытой позе. Спасения нет, он настигнут врагами. Усугубляет трагедию еще и то, что Самсон не просто жертва, не просто сдавшийся на растерзания, он пытается…Он пытается сопротивляться, хотя мы видим всю тщетность этого сопротивления. Эмпатическим откликом на муки Самсона является не жалость и сочувствие, а восхищение поверженной, но непокоренной силой.

И, тем не менее, наиболее полное вчувствование в чужую боль путём её переживания через произведение искусства дарит нам именно боль, не выраженная открыто.

Попробуем сравнить цветаевское: «Ипполит! Ипполит! Болит!» с пушкинским:

Теперь она сидит печальна и одна…
Одна… никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Одна… ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
……
……
……
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна… ты плачешь… я спокоен;
……
Но если……

Становится очевидным, что пушкинская пауза заставляет нас ощутить куда более выраженную боль.

Точно также серия «Кричащие папы» английского живописца XX века Френсиса Бэкона проигрывает в интенсивности передаваемой боли «Скорби» Ван Гога, изобразившего сгорбленную, обнаженную женщину, опустившую голову на колени и закрывшую лицо руками.

Боль другого как сообщение нам удается лишь пережить с помощью эмпатии, представив и вообразив страдание. Такую возможность нам в частности может подарить произведение искусства, собственный опыт восприятия которого мы переносим во взаимоотношения с людьми.

При этом далеко не секрет, что человек по природе своей — существо ранимое и ранящее. Любое архаическое общество жило жертвоприношением; жертва — условие существования культуры. Форма существования через жертву, через боль, через восхищение, воодушевление и праздник.

«Скрытое требование «быть без боли», — значит быть молодым, полным сил и успешным. К чему это ведет: а) к утрате саморегулирования организма; б) к утрате практик переживания и трансформации боли; в) к утрате опыта сочувствия; г) к страху перед болью, и косвенно к неприязни старости и болезни. Время, лишенное боли, лишено подлинности переживания, полноценности, траты, посему — утрачено. Непосредственна боль, определяющая линию поведения. Быть опосредованным — это значит быть без Бога, без тотальной явленности единственного события, без боли и без сочувствия. Потерявший собственную боль не чувствует боли другого, ибо боль, как сообщение, связывает общество: передается ближнему, предостерегает, взывает к сочувствию, к действию» [10].

Тот факт, что именно способность испытывать боль становится синонимом полноценности, человечности, вновь доказывает нам тесную связь не только между болью и бытием, но и между самосознанием и болью.

Боль приходит, переживается и тем самым понимается уже не как страдание, но как глубокое погружение в состояние или ситуацию. В пользу экзистенциальной природы боли, в ситуации, когда субъект практически неотделим от объекта, то есть причиняющий и претерпевающий боль становятся единым целым, говорит следующее определение: «Человек — это худшее из животных, оно единственное способно сделать больно себе подобному без причины; и самое несчастное — потому что способно осознать это…» (Альбер Камю).

Чужую боль нельзя ощутить и пережить иначе, как представив и вообразив. Такую возможность мы получаем не только благодаря личному опыту страдания, но и благодаря нашей способности пережить опыт чужой боли, явленный нам через произведение искусства.

Переживание боли как опыта и опыта как боли, также тесно связано с феноменом репродукции. Речь о периодической боли и родовых схватках. Этот неизбежный опыт боли является не просто частью жизненного цикла. Идея страдания как платы за воплощение являет собой не только метонимию первородного греха (в муках родишь детей своих), но и нитью, связующей мать и дитя. С одной стороны, муки роженицы являются аргументом в пользу экзистенциального качества боли (жизнь как боль и боль как жизнь), с другой, проходя родовые пути, младенец не только причиняет боль, но и испытывает её. Роды являются драматическим актом разделения двух Я, бывших одним. Актом, освященным болью, так часто напоминающей нам об изгнании из Эдема. Известный материнский упрек: «Ты так тяжело достался мне, я родила тебя в муках» — звучит не только укоризненно, как ни странно, здесь упоминание о пережитой боли звучит и как признание в любви.

Боль тесно связывает феномены бытия, сострадания, со-общения. Являясь одним из свойств нашего существования, вовлекая нас в бытие и не позволяя нам отвлечься и рассеяться, боль причиняет страдание нам и нашим близким, вынужденным переживать его с нами. Облегчение страданий и боли — один из аспектов врачебного долга, однако, часто ради нашего исцеления, в процессе лечения, врач вынужденно причиняет нам сильную

боль. Полная обезболенность как наша неспособность ощутить боль может привести к утрате сочувствия и, в конце концов, человечности как таковой.

Исходом, но не конечной точкой переживания боли как понимания служит переживание — преодоление («пережить это…» Hinwegkommen). Пережить нечто в этом смысле, значит, пройдя этап переживания-волнения и переживания опыта, найти и основать нового себя, не статичного, а вечно движущегося. Об этом состоянии сказано у В. Бибихина: «Take it easy, but take it» — относись к этому легко, но относись. Об этом же «I'll take it by myself» — в значении: «Я справлюсь. Переживу. Возьму это на себя (сам)». Прожить, пережить, как справиться, означает здесь вовсе не искать правых, оправдываться. Справиться — значит узнать себя в другом. Раньше мы говорили: «Он справлялся о здоровье М.» Справиться значит принять свое бытие здесь-и-сейчас, как и бытие другого как его и собственную боль. Осознать весь круг: волнение-потрясение-возможность справиться как свою непререкаемую правду и право, которая и есть мое сущее, мое Я.

Как отмечает Эрнст Юнгер, в экстремальной ситуации «все меры сводятся не к тому, чтобы убежать от боли, а чтобы ее вытерпеть. Поэтому как в героическом, так и в культовом мире мы встречаем совершенно иное отношение к боли, чем в мире сентиментальности. В последнем случае, речь идет о том, чтобы оттеснить боль и изолировать от нее жизнь, тогда как в первом случае важно включить ее и приспособить жизнь к тому, чтобы она в каждый момент была вооружена для встречи с ней» [13]. В этом контексте мир врача, столь же уязвимый для боли, как и любой другой, но вооружающий жизнь для встречи с ней, заслуживает культового и героического статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс; 1995.
2. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Три квадрата; 2004.
3. Жильсон Э. Живопись и реальность. М.: РОССПЭН; 2004.
4. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: сб. статей. СПб: Русская христианская гуманитарная академия; 2010.
5. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль; 1990.
6. Рикер П. Время и рассказ. Т. 2. Доступен по адресу: http://www.odinblago.ru/vrema_i_rasskazi2/ (дата обращения: 06.10.2017).
7. Савчук В.В. Боль авангарда. Литературный авангард в политической истории XX века. I международная научно-практическая конференция: тез. докл. СПб; 1999: 8–11.
8. Фробениус Н. Лакей маркиза де Сада, или Каталог Латура. СПб.: Амфора; 2001.
9. Хайдагова Г.Р. Боль в культуре. Подходы, концепции, комментарии. Аналитический обзор. Доступен по адресу: http://www.paininfo.ru/articles/4289.htm (дата обращения: 06.10.2017).
10. Хайдарова Г.Р. MEDIUM боли. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010; Т. 2. №3: 200–207.
11. Хайдеггер М. X-15. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика; 1993.
12. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.; М.; 2007.
13. Юнгер Э. О боли. Доступен по адресу: http://pustoshit.com/08/junger.html (дата обращения: 06.10.2017).
14. Rodgers K.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework. Psychology: A study of a science. Vol. III: Formulations of the Person and the Social Contects. NY: McGraw-Hill Book Company; 1959: 38–42.

REFERENCES

1. Benvenist Je. Slovar' indoevropejskih social'nyh terminov. [Dictionary of Indo-European social terms]. M.: Progress-Univers; 1995. (in Russian).
2. Dil'tey V. Sobr. soch.: v 6 t. T. 3. [Collected Works: In 6 vol. T. 3]. M.: Tri kvadrata; 2004. (in Russian).
3. Zhil'son E. Zhivopis' i real'nost'. [Painting and Reality]. M.: ROSSPEN; 2004. (in Russian).
4. Kamper D. Telo. Nasilie. Bol': sb. statey. [Body. Violence. Pain]. SPb: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya; 2010. (in Russian).
5. Nitsshe F. Sochineniya: v 2 t. [Compositions: in 2 vols.]. M.: Mysl'; 1990. (in Russian).
6. Riker P. Vremya i rasskaz. T. 2. [Time and story]. Available at: http://www.odinblago.ru/vrema_i_rasskazi2/ (accessed 10.06.2017). (in Russian).
7. Savchuk V.V. Bol' avangarda. Literaturnyy avangard v politicheskoy istorii XX veka. [Pain of the avant-garde]. I mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: tez. dokl. SPb; 1999: 8–11. (in Russian).
8. Frobenius N. Lakey markiza de Sada, ili Katalog Latura. [Lackey of the Marquis de Sade]. SPb.: Amfora; 2001. (in Russian).
9. Khaydagova G.R. Bol' v kul'ture. Podkhody, kontseptsii, kommentarii. Analiticheskiy obzor. [Pain in the culture. Approaches, concepts, comments. Analytical review]. Available at: http://www.paininfo.ru/articles/4289.htm (accessed 10.06.2017). (in Russian).

10. Khaydarova G.R. MEDIUM boli. [MEDIUM pain].Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2010; T. 2. №3: 200–207. (in Russian).
11. Khaydegger M. Kh-15. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. [Time and Being: Articles and speeches]. M.: Respublika; 1993. (in Russian).
12. Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta. [The role of the reader. Studies on the semiotics of the text]. Spb.; M.; 2007. (in Russian).
13. Yunger E. O boli. [About pain]. Available at: http://pustoshit.com/08/junger. html (accessed 6.10.2017). (in Russian).
14. Rodgers K.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework. Psychology: A study of a science. Vol. III: Formulations of the Person and the Social Contects. NY: McGraw-Hill Book Company; 1959: 38–42.